

Антон Павлович Чехов

Добрый знакомый
(Рассказы #0)

Антон Павлович Чехов

Добрый знакомый

По зеркальному льду скользят мужские ботфорты и женские ботинки с меховой опушкой. Скользящих ног так много, что, будь они в Китае, для них не хватило бы бамбуковых палок. Солнцу светит особенно ярко, воздух особенно прозрачен, щечки горят ярче обыкновенного, глазки обещают больше, чем следует... Живи и наслаждайся, человек, одним словом! Но...

«Дудки», — говорит судьба в лице моего... доброго знакомого.

Я вдали от катка сажу на скамье под голым деревом и беседую с «ней». Я готов ее скушать вместе с ее шляпкой, шубкой и ножками, на которых блестят коньки — так хороша! Страдаю и в то же время наслаждаюсь! О, любовь! Но... дудки...

Мимо нас проходит наш департаментский «отворяйло и запирайло», наш Аргус и Меркурий, пирожник и рассыльный, Спевсип Макаров. В руках его чьи-то калоши, мужские и женские, должно быть превосходительные. Спевсип делает мне под козырек и, глядя на меня с умилением и любовью, останавливается около самой скамьи.

— Холодно, ваше высокобл... бл... На чайшко бы! Хе-хе-с.

Я даю ему двугривенный. Эта любезность трогает его донельзя. Он усиленно мигает глазками, оглядывается и говорит шепотом:

— Оченно мне жалко вас, обидно, ваше благородие!.. Страсть как жалко! Точно вы мне сынок... Человек вы золотой! Душа! Доброта! Смиреник наш! Когда намедни он, превосходительство то есть, накинулся на вас — тоска взяла! Ей-богу! Думаю, за что он его? Ты и лентяй, и молокосос, и тебя выгоню, то да се... За что? Когда вы вышли от него, так на вас лица не было. Ей-богу... А я гляжу, и мне жалко... Ох, у меня всегда сердечность к чиновникам!

И, обратясь к моей соседке, Спевсип, прибавляет:

— Уж больно они плохи у нас насчет бумаг-то. Не ихнее это дело в умственных бумагах... Шли бы по торговой части или... по духовной... Ей-богу! Ни одна бумага у него толком не выходит... Всё зря! Ну и достается на орехи... Сам заел его совсем. Турнуть хочет... А мне жалко. Их благородие добрые...

Она смотрит мне в глаза с самым обидным состраданием!

— Ступай! — говорю я Спевсипу задыхаясь.

Я чувствую, что у меня даже калоши покраснели. Осрамил, каналья! А в стороне, за голыми кустами, сидит ее папенька, слушает и глазеет на нас, чтобы я впредь до «титულярного» не смел и думать о... На другой стороне, за другими кустами, прохаживается ее маменька и наблюдает за «ней». Я чувствую эти четыре глаза... и готов подохнуть...